

Небо давно уже потемнело, но в эту ночь звёзды сияли особенно ярко. Хотя их свет не мог сравниться с лунным, видеть окружающее было не так уж сложно, особенно учитывая, что чёрные и белые камни вэйци словно отражали звёздный свет, и их положение на доске было отчётливо видно.

Двое слуг, кроме того что дважды подливали чай и один раз принесли одежду, не появлялись, чтобы не мешать своим хозяевам.

Цзи Сань, перебирая в пальцах тёплые и гладкие камни, задумчиво произнёс:

— Говорят, что стиль игры в вэйци отражает характер человека. Как ты, Му Юань, относишься к такому утверждению?

Му Юань, подумав, ответил:

— Стиль игры как отражение характера — в этом есть доля правды. Вэйци, с одной стороны, это просто игра; с другой — она может служить руководством в жизни, объяснять её принципы. Говорят, жизнь подобна вэйци, а вэйци — жизни. Характер человека действительно может влиять на его стиль игры. Кто-то нетерпелив, и его игра становится торопливой; кто-то спокоен, и его игра кажется мягкой. Кто-то упорен, кто-то решителен, кто-то умеет отпускать, кто-то нерешителен... Всё это в той или иной мере проявляется на доске, и иногда по одной партии можно увидеть характер человека, скрытый за его внешностью. Бывает и так, что характер и стиль игры совершенно противоположны, но и в этом можно найти свои закономерности.

— Значит, ты считаешь, что стиль игры человека в определённый период времени не так уж легко изменить? — спросил Цзи Сань.

Му Юань, казалось, понял, к чему клонит собеседник, и ответил:

— В большинстве случаев это так. Но нельзя говорить обо всём с уверенностью, всегда есть исключения.

Цзи Сань усмехнулся:

— Так ты и есть то самое исключение?

— Как это понять? — спросил Му Юань.

Цзи Сань рассмеялся:

— Меня давно интересует, что у тебя, Му Юань, нет определённого стиля игры. Иногда твоя игра мягка, как спокойная поверхность озера, способная утопить в своей нежности; иногда она бурлит, как подводные течения, и чувство подавленности, исходящее от неё, заставляет задыхаться. Порой ты агрессивен, не оставляя противнику ни шанса; порой твоя игра лёгкая и подвижная, её невозможно уловить. При этом ты сам производишь впечатление человека спокойного и отрешённого...

Он замолчал, подумал, затем покачал головой:

— Похоже, утверждение, что стиль игры отражает характер, в твоём случае совсем не работает.

Му Юань пошутил:

— Может, я просто слишком хорошо скрываюсь, и ты не можешь меня разгадать.

Цзи Сань покачал головой, но уверенно сказал:

— Я уже говорил, что мой взгляд на людей всегда точен. Ты, Му Юань, не из тех, кто скрывает свои мысли или постоянно меняется.

Му Юань оставил шутки в стороне и, взвешивая слова, медленно произнёс:

— Я начал играть в вэйци с двух лет. Сколько себя помню, даже когда ещё не понимал, что делаю, я уже был рядом с доской. Вэйци стала неотъемлемой частью моей жизни. Иногда, глядя на доску, я чувствую, что это не я делаю ход, а он сам должен быть здесь. С разными противниками я действую по-разному. Это естественно, как будто так и должно быть.

Он замолчал на мгновение. Это чувство он испытывал уже давно, но никогда ни с кем не делился. Не потому, что не хотел, а потому что не знал, кому можно рассказать. Оно казалось слишком эфемерным, почти надуманным. Но если это Цзи Сань, Му Юань был уверен, что он поймёт.

Действительно, Цзи Сань с пониманием посмотрел на него и тихо сказал:

— Поэтому твоя игра так изменчива, как следы антилопы, которые невозможно найти. Потому что твоя игра и ты сам — единое целое.

Му Юань улыбнулся и кивнул:

— Да. Часто мне кажется, что это не я выбрал вэйци, а она выбрала меня. Я родился, чтобы играть.

Он опустил взгляд на чёрные и белые камни, которые под звёздным светом излучали мягкий блеск. Взяв один из них, он провёл по нему подушечкой пальца и тихо, словно говоря сам с собой, произнёс:

— Единственное, чего я хочу в этой жизни, — это играть в вэйци, играть каждую партию с полной отдачей.

Цзи Сань с лёгкой неуверенностью тихо спросил:

— Заниматься всю жизнь только одним делом... Не кажется ли это иногда скучным?

— Как это может быть скучно? — Му Юань поднял взгляд, пронзив ночную тьму, и остановил его на звёздах. Он тихо, но уверенно произнёс:

— Вэйци — это нечто настолько увлекательное и загадочное, что похоже на бескрайнее звёздное небо, на безграничную Вселенную, где тайн хватит на всю жизнь.

Му Юань смотрел с нежным и задумчивым взглядом, на лице играла лёгкая улыбка. Цзи Сань, глядя на него, почувствовал лёгкое замешательство, в груди зародилось что-то неясное, что он не мог ухватить. Это чувство переполняло его, словно вот-вот вырвется наружу.

Помолчав, Цзи Сань сдержал это бурлящее чувство и своим привычным тихим и завораживающим голосом произнёс:

— Ты, Му Юань, настолько чистый человек, что вызывает зависть.

В тот момент он вдруг почувствовал необъяснимую печаль. Неизвестно, была ли она вызвана этим давно зревшим, но внезапно проявившимся чувством, или же осознанием, что он, вероятно, никогда не достигнет такого уровня.

В этот момент лёгкий смешок Му Юаня вывел его из погружённого состояния.

— Хотя, правда, некоторые говорят, что я скучный человек.

Жизнь игрока в вэйци действительно проста, настолько, что может показаться монотонной. Му Юань, по своей природе, любит тишину. Каждый день, кроме изучения партий и игры, его главное увлечение — даже когда он выходит из дома, он редко посещает людные места. Утром он отправляется в лесной парк, слушает пение птиц, вдыхает аромат цветов, наблюдает, как капли росы качаются на листьях, наслаждаясь природой. Он практически не участвует в вечеринках, и те развлечения, которые любят молодые люди, его не привлекают. Это одна из причин, почему он так быстро адаптировался к этой эпохе, где нет электричества, неоновых огней, ночной жизни, микроблогов и Wi-Fi.

Несмотря на множество титулов чемпиона мира, обладая ореолом супер-игрока, поклонников у него всегда было немало, как среди мужчин, так и среди женщин. Даже если кто-то пытался сблизиться с ним, он не возражал, но вскоре, когда человек видел, какова его повседневная жизнь, тот сам отступал. Восхищение — это одно, симпатия — другое, а вот жить вместе — совсем иное. Поэтому, прожив более тридцати лет, он так и не пережил свою первую любовь и первый поцелуй. Хотя ему это никогда и не было важно.

Цзи Сань поднял взгляд на Му Юаня. Его черты лица оставались ясными, взгляд был искренним, в уголках глаз играла улыбка, губы слегка приподняты, тон был лёгкий, с налётом шутки, но без намёка на самокритику, просто констатация факта.

Цзи Сань невольно опустил глаза и тихо сказал:

— Это просто они не понимают твоего уровня.

В душе он почувствовал лёгкий стыд за те странные мысли, что только что возникли.

Цзи Сань постарался вернуть свои мысли в нужное русло, подумал и снова сказал:

— На самом деле, мне ещё кое-что интересно. Все игроки в вэйци, которых я видел или о которых слышал, делятся на два типа. Одни стремятся выиграть любой ценой, даже если это означает сделать некрасивый ход; другие хотят создать красивую партию, стремясь к эстетике на доске, даже если это означает проиграть. Как ты, Му Юань, считаешь, какой из этих подходов лучше?

Му Юань спокойно ответил:

— Понимание вэйци у каждого своё, и цели, которые они преследуют, тоже разные. И стремление выиграть, и желание создать красивую партию — это просто личный выбор, и нельзя сказать, что один лучше другого.

Цзи Сань усмехнулся и спросил:

— А как бы ты сам поступил?

Му Юань ответил:

— Я всегда считал, что выигрышная партия и красивая партия не противоречат друг другу. Выигрышная партия может быть красивой, а красивая партия не обязательно проигрышная. Я, конечно, хотел бы сочетать и то, и другое. Но если бы пришлось выбирать, — он сделал паузу, не из-за сомнений, а с ещё большей уверенностью, — я бы выбрал выигрышную партию.

Цзи Сань смотрел на него с блеском в глазах, и, казалось, ответ Му Юаня не стал для него неожиданностью.

<http://bllate.org/book/16684/1531072>